

Рецензенты:

Ж. Б. Абылхожин, д. и. н.,

Б. М. Сужиков, к. и. н.

Ответственный редактор

И. В. Ерофеева, к. и. н.

Кригер В.

Рейн–Волга–Иртыш: из истории немцев Центральной Азии /

Отв. ред. И. В. Ерофеева. Алматы: Издательство “Дайк-Пресс”,
2006. 276 с. + 16 с. цветн. иллюстр.

ISBN 9965-798-05-2

Сборник содержит работы, имеющие отношение к прошлому и настоящему немцев Казахстана и Средней Азии. Он посвящен исследованию влияния политики Российской империи, а затем и СССР, на все стороны политической, общественной и культурной жизни немецкой диаспоры в Центральной Азии. Так же отражены реакция самих представителей этой национальной группы, добровольно или принудительно оказавшихся в данном регионе, на действия органов власти различных уровней.

© Виктор Кригер, 2006

© “Дайк-Пресс”, оформление, 2006

Влияние опыта социализации депортированных в Казахстан немцев на процесс адаптации в германское общество*

Государственная политика в отношении российских немцев и ее результаты

Во внутренней политике Советского Союза, начиная со второй половины тридцатых годов, наметился поворот от репрессий по классовым признакам к преследованиям определенных национальностей и этнических групп, в отношении которых возникали подозрения в их лояльности правящему режиму. Так, уже в 1936 г. осуществлялись насильственные переселения десятков тысяч поляков и немцев из пограничных областей Украины. В 1937 г. около 170 тыс. корейцев с Дальнего Востока были депортированы в Центральную Азию. Таким образом, массовые депортации военного и послевоенных годов несомненно опирались на приобретенный «опыт» мирного времени.

Ликвидация Автономной Советской Социалистической Республики Немцев Поволжья (АССР НП) и изгнание российских немцев из европейской части Союза ССР, приведшее к лишению их гражданских прав, диктовались не в последнюю очередь стремлением убрать малейшие препятствия на пути развертывания массивной германофобской пропаганды в средствах массовой коммуникации, в художественной литературе и исторических исследованиях.

Основные действия властей во время войны и в первые послевоенные годы по отношению к немецкому населению сводились к следующему:

Экспроприация собственности. Советское государство, начиная с момента своего существования, весьма вольно обращалось с частной и личной

* Отдельные положения статьи были опубликованы в сборнике: Германия – Центральная Азия: Диалог культур: история, современность, перспективы. Алматы 2002, с. 27-35.

собственностью своих граждан. Изъятие, т.е. грабеж личного имущества и денежных вкладов (в сбербанках) частных лиц, а так же коллективной собственности немецких колхозов проводилось по образцу ранее проводимой политики раскулачивания. К «этнической экспроприации» необходимо также отнести значительную часть государственной собственности, находящейся на территории Республики немцев Поволжья. Промышленные предприятия, объекты инфраструктуры, общественные здания и т.д. создавались при непосредственном участии немецких граждан. Это же относилось к финансовым средствам организаций и учреждений Республики Немцев Поволжья.

Широкомасштабная рурализация. По отношению к немецкому населению это проявилось в форме насильственного переселения горожан в сельскую местность. К началу второй мировой войны около 20% немцев СССР проживало в городах. В ходе депортации они расселялись исключительно в сельской местности, в прописке в городах отказывалось. Только ограниченному числу лиц было разрешено проживать в районных центрах, МТС и поселках городского типа. Даже в тех восточных регионах, откуда выселений не было, немцы удалялись из областных и столичных городов, пограничных местностей и прилегающих к железной дороге поселков. При этом государство устранилось от ответственности за последствия депортаций, переложив затраты по приему и обеспечению выселенцев на плечи принимающих колхозов Казахстана и Сибири. Но в первую очередь проблемы биологического выживания стали заботой самих немцев.

Массированное ограничение в правах. Для «советских» немцев существовали запреты на занятие руководящей или ответственной должности, практиковались отказы в приеме на работу в качестве квалифицированного рабочего или специалиста. Невозможно было поступить или продолжить обучение в вузах или техникумах, использовать родной язык в общественной и культурной жизни. Одновременно удалялись из армии офицеры и солдаты и запрещался призыв немцев в боевые подразделения. Ограничение на территориальное передвижение пределами района или даже села не было закреплено подзаконными актами; только в 1945 году немцы были секретными правительственными постановлениями зарегистрированы как спецпереселенцы и таким образом под этот запрет была подведена определенная

«юридическая» база. Шовинистические выпады против советских граждан немецкой национальности и попытки разжигания национальной вражды к ним не вели к применению соответствующих статей уголовного кодекса.

Тотальная мобилизация в лагеря принудительного труда. На основе ряда строго секретных постановлений Государственного Комитета Обороны (ГКО) от 10 января, 14 февраля, 7 октября 1942 и др. проводилась тотальная мобилизация немецких юношей и девушек, мужчин и женщин в рабочие колонны через райвоенкоматы Наркомата Обороны и направление их на стройки и предприятия Урала, Сибири и Подмосковья. Правовой статус «мобилизованных немцев» можно определить как нечто среднее между заключенным лагеря и военно-строительным рабочим, причем преобладали лагерные признаки. В местах работы они были изолированы от местного населения и остальных заключенных, размещались в зонах, обнесенные колючей проволокой, находились под военизированной охраной и снабжались в соответствии с продовольственными нормами ГУЛАГа. Питание было организовано как у уголовников, по котловочному принципу, т.е. дифференцировалось в зависимости от степени выполнения производственных норм. Тем не менее эти подневольные рабочие, которых офицеры из Политотделов и администрация, ради затушевывания реальности, зачастую обозначали "трудармейцами", не отражались в статистике ГУЛАГа. Их применение возлагалось на ГУЛАГ и выделенные из него самостоятельные отраслевые лагерно-производственные управления, такие как Главное Управление лагерей промышленного строительства - ГУЛПС. Женщины, малолетки и пожилые предоставлялись в распоряжение отраслевых министерств: угольной, нефтяной, целлюлозно-бумажной и пр. промышленности; все они находись под плотным надзором органов внутренних дел. Немцев использовали на строительстве стратегически важных объектов: железных дорог, предприятий цветной и черной металлургии, в угле- и нефтедобыче, на лесоповале и в других сферах, требовавших тяжелого физического труда. Бронь и отсрочки от призыва на них практически не распространялась. Массовая мобилизация немецких девушек 16-17 лет и многодетных матерей по линии Министерства обороны и распространение на них

ответственности как военнослужащих Красной Армии, является уникальным случаем не только советской, но и европейской военной истории нового и новейшего времени. В итоге ни одна этническая группа в Советском Союзе не испытала такого массового рекрутирования и такой жестокой эксплуатации: не менее 350.000 российских немцев были вынуждены заниматься принудительным трудом на основе постановлений ГКО, оставив на произвол судьбы в местах выселения малолетних детей и немощных стариков.

Делигитимация, дискредитация и ликвидация национальной партийно-государственной и интеллектуальной элиты. После депортации немцам было запрещено занимать какие-либо руководящие должности. Деятели национальной культуры и искусства были обречены на профессиональную деградацию. Уделом немецкого населения стал прежде неквалифицированный физический труд на колхозных полях и промышленных стройках. В течение 1942-1943 гг. в лагерях принудительного труда оказалась практически вся без исключения интеллектуальная и политическая элита российских немцев: функционеры партийно-советского аппарата, руководители производств, председатели колхозов и директора совхозов, депутаты Верховного Совета СССР, РСФСР и АССР Немцев Поволжья, профессора и доценты, инженеры и офицеры, писатели и журналисты, судебные работники и учителя и т.д., а вместе с ними - простые крестьяне и рабочие. Значительная часть из них были осуждены или приговорены к расстрелу. Так, на строительстве Челябинского металлургического завода в 1942-43 гг. только по двум коллективным делам было частично расстреляно, частично осуждено практически все партийно-советское и хозяйственное руководство кантона (района) Краснояр быв. АССР НП: секретари райкома ВКП(б) Яков Мюллер и Теодор Траутвейн, председатель райисполкома Владимир Гартман, а также заведующий райотделом государственного банка, председатели и специалисты колхозов, директора предприятий и т.д. Уголовному преследованию в 1945 году подверглись специалисты, творческие работники и руководители из кантона Мариенталь, быв. АССР НП, оказавшиеся на принудительных работах в Ивдельлагере (Свердловская область): депутат Верховного Совета СССР и председатель Мариентальского райисполкома Адольф Денинг, главврач районной больницы Виктор Май, Алоиз Шмидт, корреспондент областной газеты «Nachrichten» (Известия) по этому

кантону, Эмиль Йост, редактор районной газеты «Stoßbrigade» (Ударная бригада) и др. По другому политическому процессу в 1944-46 годах в трудовом лагере БАЗстрой НКВД СССР (Свердловская обл.) были осуждены немцы – быв. руководители автономной республики: Генрих Корбмахер, 3-й секретарь обкома ВКП (б), Александр Гекман, председатель Совета Народных комиссаров АССР НП, Фридрих Фрицлер, народный комиссар земледелия и ряд других высших функционеров. Интересно проследить их дальнейшую судьбу. В момент пересмотра дела в 1956 г. А. Шмидт работал маляром ремонтно-строительного цеха в г. Темиртау. Ф. Фрицлер после отбытия срока проживал в с. Каскелен Алма-Атинской области и работал плотником в средней школе, а с 1955 г. – печником в конторе коммунального хозяйства. Г. Корбмахеру к моменту реабилитации в 1958 г. доверили возглавлять тракторную бригаду в одном из совхозов Ульяновской области.

Германофобия. Правящий режим, находясь под серьезной угрозой своему существованию, одним из направлений в своей пропаганде сделал ставку на возбуждение антинемецких настроений, давая простор самым низменным ксенофобным инстинктам. Если в первые месяцы войны речь еще шла об антифашистской агитации и пропаганде, то с конца 1941 г. стала превалировать антинемецкая направленность в средствах массовой информации. Насколько можно судить по конкретной политике советского правительства, ликвидация республики, депортация всех российских немцев в восточную часть страны и бесправное положение, в котором они были поставлены, диктовалось не в последнюю очередь стремлением убрать малейшие препятствия на пути развертывания мощной германофобской тенденции в публицистике, литературе и искусстве, исторических исследованиях. Так как при этом осознанно не делалось различий между германскими и советскими немцами, то последние фактически превратились в объект шовинистических выпадов со стороны окружающего населения, взвинченного гибелью близких и массивной пропагандой «немецких зверств».

В рамках общего процесса либерализации после смерти Сталина правящее руководство во главе с Никитой Хрущевым отошло от наиболее одиозных форм национальной дискриминации. Послевоенная интеграция «граждан немецкой национальности» в советское общество виделась партийным и советским

начальникам почти исключительно через производственную сферу. В сфере трудовых отношений, а также использования базовых социальных гарантий, таких как медицинское обслуживание или школьное образование, они в наименьшей степени подвергались ограничениям по национальным признакам. Однако практически никаких усилий не предпринималось для создания условий по развитию национальной культуры. На пути повышения социально-профессионального статуса немцам, как правило, чинились препятствия. Следует отметить, что административно-командная система продемонстрировала определенную гибкость, дав возможность отдельным лояльным и ассимилированным немцам получить высшее образование и сделать карьеру.

Экономическое благосостояние немцев практически не отличалось от положения других национальностей. Однако половинчатость реабилитации и, главное, отказ в восстановлении административно-территориальной автономии ставило немецкое население в заведомо неравноправное положение по сравнению с другими народами: подавляющее число национальных институтов в федерации советского типа (обучение и делопроизводство на родном языке, учреждения культуры и искусства, научные институты гуманитарного профиля и пр.) были жестко «привязаны» к той или иной форме территориальной автономии. Советские народы обладали различными политическими статусами. Титульные нации союзных республик наделялись широкими правами в сфере применения родного языка, развития национальной культуры, в том числе ее профессиональных форм (литература, театр, живопись, кино, музыка и т.д.), обладали преимуществом в получении высшего образования и занятия престижных должностей в пределах своих территорий. Меньшими возможностями располагали народы автономных республик, еще меньше автономных областей и округов. На самой низкой ступени этой иерархической системы стояли «безтерриториальные» этносы, несмотря на то, что некоторые из них, такие как немцы или поляки, по численности превосходили большинство «коренных» национальностей автономий и даже союзных республик (эстонцев, латышей, до конца 1970-х годов и киргизов). С этой точки зрения Советский Союз представлял собой особый тип *этносоловного* общества. Для российских немцев фатальным стало даже не столько отсутствие, сколько факт отказа в восстановлении автономии. Последнее однозначно воспринималось

партийно-советскими органами на местах и окружающим населением как свидетельство их «вины» со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями.

В результате последовательно проводимой государственной политики немецкое национальное меньшинство пережило глубокую трансформацию, которую в таких масштабах и формах не испытал с 1940-х годов, пожалуй, ни один из других народов СССР. Насильственное переселение и тотальная мобилизация в трудовые лагеря еще больше усилили тенденцию **пролетаризации этноса**. Из прежде крепко привязанного к своей земле немецкие крестьянина или самостоятельного ремесленника-предпринимателя советская власть сделала настоящего пролетария с практически полным отсутствием собственности и исторических корней в каком-либо месте проживания в СССР. Этим в значительной мере объясняется большая миграционная подвижность немецкого населения после снятия с комендантского надзора в начале 1956 г. вплоть до настоящего времени.

Следствием репрессивной и дискриминационной политики стала **интеллектуальная деградация** данного народа. Стоит только сравнить социально-профессиональную структуру и образовательный уровень немцев с соответствующими показателями других народов СССР по переписи 1939 и, к примеру, 1989 года. В послевоенные годы у немцев отмечалось непропорционально высокая доля лиц, занятых физическим трудом и незначительное представительство в большинстве сфер интеллектуальной и административной деятельности. Неудивительно, что такого рода статистические сведения не публиковались и тщательно скрывались.

В третьих, самым негативным образом сказалось тяжелое **морально-психологическое давление** как на представителей нации, развязавшей войну против Советского Союза. С теле- и киноэкранов, со страниц книг, газет и журналов, на официальных мероприятиях и многочисленных встречах с ветеранами войны, в личных контактах выкристаллизовывался в основном негативный образ Германии и немцев. Этот психологический дискомфорт усиливался вследствие информационной блокады в отношении истории и культуры «советских» немцев; их юридическая и политическая реабилитация последовательно замалчивалась. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964, по которому немцы были политически

реабилитированы, не был опубликован в широкой печати; даже в узкоспециализированных научных исследованиях его предпочитали не упоминать. Неудивительно, что именно на «своих» немцев обществом перекладывалась часть вины за совершенные гитлеровской Германией преступления в отношении советских народов. И это несмотря на то, что во времена Хрущева все т.н. шпионы и диверсанты, проходившие по многочисленным политическим делам, были реабилитированы, в том числе и бывшее руководство АССР НП. Таким образом, высшим партийным и государственным органам уже к концу пятидесятых годов была ясна полнейшая надуманность предъявленных обвинений. Но советское руководство и в шестидесятые годы, и позже не было заинтересовано в полном восстановлении гражданских прав российских немцев. Германофобия, пышно расцветшая во время войны, оставалась, судя по всему, на протяжении десятилетий составной частью советской внешней и внутренней политики. «Происками реваншистов» и «западногерманских милитаристов», «вековой борьбой славянских народов против немецкого «Дранг нах Остен» и пр. можно было оправдать многочисленные хозяйственные и бытовые трудности послевоенного времени, попутно манипулируя общественным мнением. Государственное образование российских немцев, естественно, затруднило бы беззастенчивое спекулирование на антинемецкой тематике.

Половинчатость реабилитации постоянно подпитывала **сомнение в их лояльности**, вольно или невольно подводила к мысли о наличии их тайных симпатий к (Западной) Германии. Немалую роль при этом играла насаждавшаяся с 30-х годов подозрительность, порой даже враждебность к иностранцам, особенно из потенциальных или воображаемых стран-агрессоров (Польши, Германии, Англии, Японии, Финляндии и т.д.), а после образования социалистического лагеря – к представителям «враждебных» капиталистических стран. Формы этой советской ксенофобии распространялись и на советских граждан, имеющих родственников или контакты за границей, к приверженцам католической или протестантской веры, на этнические группы, чья историческая родина находилась за пределами страны. Подозрительным было и владение немецким, единственным из всех языков народов СССР, который имел широкое распространение в западном мире. Владение им

обеспечивало потенциальную возможность доступа к альтернативным и неофициальным источникам информации.

Данная правительственная политика означала для основной массы российских немцев масштабную **дискредитацию как идей социализма/коммунизма в целом, так и советского образа жизни** с его моралью и институтами. Неудивительно, что среди них получили широкое распространение чуждые новому строю религиозные и эмиграционные настроения. В общественно-политической жизни большинство вело себя пассивно, не стремилось к вступлению в партию и не проявляло карьеристских устремлений. В целом «советские граждане немецкой национальности» ощущали свою **этническую, историческую и языковую бесперспективность** и были подвержены интенсивным аккультурационным и ассимиляционным процессам.

Положение немецкого меньшинства в Казахстане имело свои особенности. В отличие от сибирских и уральских регионов они жили и работали в национальной республике. На фоне государственной, хотя и явно недостаточной, поддержки языка и культуры коренной национальности, протектирования в области образования и социального продвижения особенно остро воспринималось неравноправное положение своей национальности. К особенностям данной многонациональной республики можно отнести выраженную этническую конкуренцию практически во всех областях экономической, политической и общественной жизни. Несмотря на фундаментальные социальные преобразования и небывалые потрясения в ходе «советизации» аула, титульный этнос, как и некоторые другие национальные группы Казахстана, сохранил основные черты традиционного (номадо)ориенталистического общества. Последнее же имеет свои, отличные от западно-европейских народов, родовые черты: клановость, тесные родоплеменные связи, патронажно-клиентные отношения, формальный характер юридических норм, неприятие индивидуалистических установок, коррумпированная бюрократия, патриархальные семейные формы, иная этика труда и пр. Низкий политический статус и слабая внутригрупповая солидарность в условиях жесткой межэтнической борьбы за ограниченные ресурсы (понимаемые в самом широком смысле этого слова, начиная от административных должностей любого ранга или квот при поступлении в вузы

вплоть до квартир и продуктов питания) ставили немецкое население в заведомо проигрышное положение. В Южном Казахстане дополнительными факторами служили бурный рост коренного населения и ограниченные земельно-водные ресурсы, которые в условиях традиционного экстенсивного сельскохозяйственного производства объективно создавали ситуацию аграрного перенаселения и демографического выдавливания пришлых элементов. В своей совокупности вышеприведенные моменты оказывали сдерживающее влияние на скорость ассимиляционных процессов среди немцев республики и усиливали миграционные установки.

Реакция немецкого населения

Испытания, выпавшие на долю немецкого народа, привели, как это часто бывает в истории, к определенной внутриэтнической консолидации. Собственно такая общность как «советские немцы» реально оформилась лишь в пятидесятые годы. Кардинальные территориальные сдвиги и социализация в атеистическом государстве привели к практически полному стиранию границ между региональными (поволжские, украинские, крымские, закавказские, сибирские и т.д.) и конфессиональными (лютеране, католики, меннониты, баптисты) группами немецкого населения, еще в 1930-х годах резко обособленных друг от друга. Однако некоторая внутриэтническая отчужденность давала о себе знать еще некоторое время. Так, если в начале 1960-х годов немцу, к примеру из католической семьи в Карагандинской области было «легче» жениться на единоверной полячке, чем на девушке меннонитского вероисповедания, то через 15-20 лет такого рода проблемы сошли практически на нет.

Так как государственные органы ассоциировались у немецкого населения с открытым насилием или неявными формами дискриминации, то в системе жизнеобеспечения этноса резко возрасла роль семейных, родственных и земляческих связей. Они оказывали решающее влияние на миграционную подвижность. Одним из основных факторов перемены мест стало наличие в пункте предполагаемого вселения достаточно разветвленной «сети» родственников или знакомых. С учетом слабой территориальной привязанности немецкого населения это зачастую

приводило и приводит к феномену т.н. цепных миграций: выезд одной или нескольких семей на другое место жительства (находящегося внутри Казахстана, бывшего СССР или за границей) могло вызвать, при получении позитивных известий, лавинообразный отток из прежней территории проживания.

Государственная политика также искусственно сдерживала естественное протекание модернизационных и урбанизационных процессов немецкого этноса. Выпускники деревенских школ в своей массе не могли без государственной или частной протекции конкурировать с теми, кто окончил городские учебные заведения. В 50-е - 60-е годы еще сказывался недостаточный уровень владения русским языком части потенциальных немецких абитуриентов. В более поздние годы родителей, выросших в атмосфере постоянных ограничений и железной экономии, отпугивали размеры взяток, необходимых для организации поступления молодых людей в высшие учебные заведения республики. В связи с этим, как и по ряду других причин, молодые люди ориентировались родителями и родственниками на овладение практическими аграрными и ремесленными профессиями преимущественно по месту жительства. В итоге по доле лиц квалифицированного умственного труда и занятых в передовых отраслях народного хозяйства немцы значительно отставали от большинства других национальностей республики. Дополнительным эффектом стагнирующей урбанизации являлось высокое трудоустройство немецких совхозов и колхозов в Казахстане, что было одним из основных факторов повышенной рентабельности этих хозяйств. Данное обстоятельство выгодно отличало их от соседних русских и украинских сел, хронически страдающих от постоянного оттока молодежи в город.

В результате искусственного замалчивания существования данной этнической группы и запрета на проведение исторических и этносоциальных исследований, среди немецкого населения получило широкое распространение идеализация прошлого, будь то зажиточность и общинная гармония дореволюционных колоний Причерноморья или счастливая жизнь в Республике Немцев Поволжья. Особенно это касалось пожилого поколения поволжских немцев, ностальгически вспоминающих о широком использовании немецкого языка в обучении и делопроизводстве республики и сравнивающих тогдашнюю позитивную

национальную и кадровую политику с современными казахстанскими реалиями. Наряду с этим курсировали самые фантастические слухи и представления о роли немецких поселений и АССР НП в сельскохозяйственном производстве России и СССР, о значении немецких механизаторских кадров при освоении целины, порой переходящие в самодовольство и пренебрежительное отношение к другим национальностям.

В целом можно отметить, что после снятия с комендантского учета в 1955-56 годах и формального уравнивания в правах с остальным населением Союза СССР произошел естественный процесс расслоения данной этнической группы. На этот раз не по региональному или конфессиональному признаку, как в дореволюционное время, а по степени реагирования на проводимую политику властей, приспособления к существующим общественно-политическим реалиям и выбранной стратегии выживания (*табл. 1*). В этом отношении внутри немецкого меньшинства выделялось несколько групп, одну из которых можно назвать *оппозиционерами*. Эти люди весьма критически относились к существующему общественно-политическому строю, более или менее активно отвергали институты советской власти и т.н. социалистический образ жизни и коммунистическую мораль. Их основной жизненной целью являлась эмиграция в Германию и Канаду (для части немцев меннонитского вероисповедания). В значительной мере это были потомки причерноморских немцев, которых в начале войны не успели депортировать по причине быстро продвинувшегося фронта. Оказавшись под оккупацией, они были в 1944-45 гг. эвакуированы на Запад и приняты в германское подданство. Сталинское руководство не признало их нового правового состояния и добилось от союзников, чтобы эта категория переселенцев продолжала считаться советскими гражданами. Большинство из них – около 200 тыс. человек - было «репатрировано» и пополнило ряды немецких спецпереселенцев на Востоке страны. Кроме большинства репатриантов, их потомков и породненных с ними других региональных групп немцев, к оппозиционерам можно причислить значительную часть депортированных из Грузии и Азербайджана закавказских швабов, до 1941 г. наиболее зажиточной и развитой в национально-культурном и образовательном отношении субэтнической группы немцев-колонистов. Сюда же относилось немалое число приверженцев

Роль и значение отдельных факторов у различных групп немецкого населения

Группы Факторы	«Оппозиционеры»	«Традиционалисты»	«Интегрированные»	«Ассимилированные»
Родственные, общинные, земляческие связи	+	+	0	--
Немецкий язык, традиционная культура	+	+	0	--
Советская /русская культура	--	0	+	+
Однонациональные браки	+	+	0	--
Религиозность	+	+	--	--
Политический конформизм	--	0	0	+
Эмиграция	+	0	--	--
Территориальная автономия	--	0	+	--

Это условное деление на группы было характерно до 1985 г.

- +** роль, значение, оценка высокая/позитивная (активное стремление, одобрение, поддержка)
- 0** роль, значение, оценка средняя/индифферентная (безразличие, воспринималось как данность, терпимое отношение)
- роль, значение, оценка низкая/негативная (неприятие, отторжение)

меннонитского вероучения, имевших многочисленных родственников за границей, прежде всего в Канаде, а так же в США и некоторых латиноамериканских государствах, в которые меннониты мигрировали начиная с 1870-х и вплоть до конца 1920-х годов. После снятия комендантского надзора эти потенциальные эмигранты сконцентрировались прежде всего в Таджикистане (сюда в 1945-46 гг репатрианты направлялись из побежденного Третьего Рейха), Киргизии и Казахстане. В последнем они проживали относительно компактно в южных и центральных областях и составляли, по некоторым оценкам, от 10 до 20% от общей численности немецкого населения республики.

Оппозиционеров отличала этническая однородность, хорошее знание родного языка, земляческая солидарность, приверженность национальным обычаям, повышенная религиозность, неприятие советских реалий и коммунистической

идеологии. Почти все они могли привести длинный список близких и дальних родственников, умерших от голода, расстрелянных или сгинувших в ГУЛАГе уже в 1920-е – 30-е годы, не говоря уже о репрессиях более поздних времен. К перспективе восстановления или создания немецкой территориальной автономии относились в своей массе сугубо отрицательно, т.к. полагали, что от этого суть тоталитарного режима для них несколько бы не изменилась. В послесталинскую эпоху эти люди подвергались пропагандистским атакам средств массовой информации и изощренным преследованиям со стороны КГБ. Отличаясь слабым политическим конформизмом, эти критически настроенные немцы имели, естественно, весьма малые шансы для получения высшего образования и профессионального роста. В 1960-е - 80-е годы именно «оппозиционеры» составляли подавляющее большинство переселенцев в ФРГ.

Вторую группу, составлявшую примерно от половины до двух третей общей численности немецкого населения Казахстана, можно назвать *традиционалистами*. Таковой являлась национально ориентированная часть этноса, примирившаяся с создавшимся положением и прилагавшая основные усилия на создание «нормальной» жизни и достижения экономического благополучия. Их отличительной чертой можно назвать умеренный политический конформизм, т.к. к партийной или административной карьере они активно не стремились, но становились членами партии ради должностей, если таковые по их квалификационным или профессиональным качествам им предлагались. В семейном кругу традиционалисты старались использовать немецкий язык и поддерживать национальный колорит. Люди пожилого возраста нередко становились прихожанами католических, лютеранских и протестанских общин. К межнациональным бракам они относились скептически, но не препятствовали, если молодые в этом упорствовали. Гордились т.н. «немецкими» достоинствами: стремлением к порядку и чистоте, пунктуальностью, ответственностью за порученное дело, организованностью, мастеровитостью, умением обходиться с техникой.

К числу традиционалистов можно отнести в первую очередь жителей старожильческих немецких сел Северного Казахстана и большинство выходцев из

Поволжья и других регионов европейской части Российской Федерации. В Казахстане они проживали как в сельской местности, так и в городских поселениях, особенно там, где имелась достаточная концентрация соплеменников для хотя бы минимального национального общения. В профессиональном аспекте заметную часть составляли лица с квалифицированными рабочими и инженерно-техническими специальностями. Они, как правило, высоко ценились коллегами по работе и особенно непосредственным начальством. Из их среды рекрутировались производственно-технические кадры и немногочисленные функционеры нижнего, реже среднего звена управления: бригадиры, мастера, председатели колхозов и директора совхозов, начальники цехов и ремонтных мастерских, ведущие специалисты небольших и средних предприятий, заведующие в школах, парторги первичных организаций, руководители районных организаций и т.д., а также депутаты Советов различных уровней вплоть до областного. В своем большинстве традиционалисты не добивались от властей восстановления национальной республики, да и к самой идее относилась неоднозначно: одни опасались «добровольно-принудительного» переселения в автономию, потери с таким трудом налаженного быта, своими руками построенного дома, хорошо оплачиваемого рабочего места и т.д. Другие, ввиду обостряющейся межэтнической конкуренции и предчувствуя грядущие межнациональные конфликты, а также под влиянием ностальгических воспоминаний о жизни в бывшей поволжской республике, склонялись к осторожной поддержке требований о национальной территории. К ним примыкали оставшиеся в живых бывшие функционеры из АССР НП или лица, получившие там образование, и мечтавшие о восстановлении «ленинских» норм и принципов национальной политики. Традиционалисты составляли основную массу национального движения «Возрождение» и выезд в Германию для большинства из них в период существования Советского Союза был неактуален. К тому же до 1990 года вызов на постоянное место жительства в ФРГ могли сделать только родственники первой ступени (родители, братья или сестры, дети). Но у подавляющего большинства поволжских немцев, как и у жителей старожильческих сел, таких родственников вплоть до начала перестройки не имелось. После провала попыток восстановления республики на Волге и начавшегося экономического и

социально-политического хаоса эта часть «советских» немцев вплоть до середины 90-х годов составляла подавляющее большинство в эмиграционном потоке.

В количественном отношении наиболее малочисленную группу – по нашим оценкам от 5 до 10% - составляли т.н. *интегрированные* немцы (*интегратисты*). В ментальном, культурном, языковом, профессиональном отношении и родственными узами они были прочно инкорпорированы в советское общество и русскую культуру. Несмотря на фактически полный отрыв от национального языка и народной культуры, они осознавали себя немцами. Большинство из них дисперсно проживало в городах, реже в сельской местности и занималось преимущественно квалифицированным умственным трудом: учителя, библиотекари, врачи, инженеры, научные работники, преподаватели вузов, лица творческих профессий и т.д. Политический конформизм зачастую уживался у них с интересом к прошлому и настоящему своего народа, с внутренним протестом против неравноправного политического и культурно-языкового положения немцев в СССР и, в частности, в Казахстане. Многим из них неоднократно указывалось на пределы их профессионального, служебного и административного роста, виной чему был «пятый пункт». Особое место занимала немногочисленная творческая интеллигенция: писатели, журналисты немецких газет, артисты Немецкого театра, преподаватели и учителя немецкого языка как родного. С каждым годом число владеющих родным языком непрерывно уменьшалась и в воссоздании автономного образования эта категория лиц интеллектуального труда видела единственный шанс остановить этот процесс, повысить функциональность и престижность немецкого языка, тем самым обеспечив свое профессиональное будущее. Это же относилось к немногочисленной гуманитарной интеллигенции - историкам и этнографам, социологам и германистам, а так же к доцентам и профессорам различных специальностей - которым национальный Университет и академический «Институт истории и культуры советских немцев» представлялись многообещающей альтернативой их фактическому прозябанию на периферии казахстанского образования и науки.

Интегратисты активно выступали за предоставление немцам административной территории в рамках Союза ССР, чтобы таким образом повысить политический статус этноса и стать «титულным» народом. При этом они бы

получили возможность на равных конкурировать с остальными коренными советскими народами в образовательной и кадровой политике, в деле лоббирования «советско»немецких интересов в Центре через государственные институты. Они составляли, как правило, руководящий состав и актив национальных организаций и центров, возникших в конце восьмидесятых годов. Показателен здесь состав первой учредительной конференции «Всесоюзного общества советских немцев «Возрождение», состоявшейся в марте 1989 года: из 135 участников 53 являлись членами КПСС. Еще более разительным было социальное положение собравшихся: подавляющее большинство - 84 человека - составляли служащие, из них 12 (!) с научными степенями. Эти советские интеллигенты оценивали достаточно реалистично свою конкурентноспособность и языковую компетентность на рынке труда ФРГ, поэтому призывы к восстановлению АССР НП нашли среди них наибольший отклик. Нередко многонациональный состав семьи, как собственной, так и детей/внуков дополнительно приводил к тому, что по крайней мере до распада СССР в 1991 году предпочтение отдавалось переселению в воссозданную Немецкую Автономную Республику в пределах России, а не туманным перспективам вживания в германское общество, которое в культурном отношении было им во многом чуждое.

Наконец, группа *ассимилировавшихся* немцев представляла собой полную противоположность оппозиционерам. Стремясь избежать для себя и своих детей последствий «каиновой» печати как лиц немецкой национальности, а также морально-психологического прессинга, эти люди осознанно дистанцировались от своих соплеменников. Во время выдачи удостоверений личности после снятия с учета в 1955 г. часть из них под тем или иным предлогом принимала, зачастую за взятки, чужое имя или им заносили в паспорт иную национальность. Другие ориентировались на межнациональные браки, воспитывали детей в лоне русского языка и советской культуры, записывали их под фамилией и национальностью инноэтничного брачного партнера. Своей национальности или происхождением родителей, бабушек и дедушек они стыдились и это тщательно скрывали. С немецкими родственниками старались поддерживать минимальные контакты. К середине 1980-х годов в Казахстане не менее пятой части этноса можно было, пожалуй, отнести к «немцам» только по фамилии или паспорту; численность же

представителей других национальностей с немецкими корнями не поддается количественной оценке. Ассимилянты отличались повышенным политическим конформизмом, активно стремились стать членами КПСС, ориентировались на заключение межнациональных браков и практически ничем не выделялись из среднестатистических русских/советских людей. Честолюбивым лицам из их среды «Система», как правило, не мешала в деле получения образования и продвижения по служебной лестнице. Примером может служить карьера профессионального чекиста, генерала Владимира Крючкова, председателя КГБ СССР в 1988-91 гг., у которого бабушка была поволжской немкой (сей генеалогический факт до момента распада СССР генерал, естественно, не афишировал). Немало видных советских ученых, музыкантов и других представителей творческой интеллигенции имели немецких предков, о которых они сами или их биографы, как правило, замалчивали или же пытались прикрыть ссылками на мифические скандинавские или прибалтийские корни. В основном из среды ассимилянтов первого поколения с еще «германскими» фамилиями осознанно выбирались т.н. образцовые немцы, которые становились членами ЦК Компартии Казахстана, депутатами Верховных Советов республики и СССР, Героями социалистического труда, назначались на немногочисленные для немцев выделенные престижные посты и должности. На их примере разоблачались «идеологические диверсии» Запада о якобы неравноправном положении немецкого национального меньшинства в Советском Союзе.

В радикально изменившихся общественно-политических условиях, возникших вследствие дискредитации коммунистических и социалистических идей, ликвидации СССР и образования новых суверенных государств, у этой группы наблюдается т.н. «этнический ренессанс». Немало бывших ассимилянтов проявляют повышенный интерес к генеалогическим изысканиям, восстанавливают контакты с прежде нежелательными родственниками, стремятся юридически оформить свое новое этническое самосознание. С середины 1990-х годов эта категория «немцев» начинает составлять заметную часть переселенцев на историческую родину.

Эмиграция в Германию и процесс вживания в новое общество

Некоторые внешние формы современной эмиграции в Германию на удивление напоминают ситуацию шестидесятилетней давности: за бесценок оставляя свое имущество, немцы Казахстана появляются на новой родине буквально с «чемоданчиком» в руках и оказываются на несколько недель в лагере по приему переселенцев. Они попадают в совершенно иную географическую, языковую и культурную среду. При этом значительная часть как интеллигенции, получившей образование в периферийных казахстанских и сибирских вузах, так и рабочих с квалифицированными по советским меркам профессиями оказываются невостребованными местным рынком труда и вынуждены заниматься менее интеллектуальными видами деятельности или переквалифицироваться. Переселенцы, получающие социальную помощь, должны проживать в определенном для них населенном пункте. При самовольной смене места жительства они теряют право на получение пособия.

Однако на этом поверхностное сходство кончается и начинаются фундаментальные различия. Во первых, решение о выезде принимается добровольно. А во вторых, роль немецкого государства, в отличии от советского, совершенно иная. Все мероприятия правительственных структур и многочисленных религиозных, благотворительных и иных организаций нацелены на поддержку усилий по скорейшей интеграции переселенцев в западногерманское общество. Это курсы обучения немецкому языку, обеспечение жильем, медицинской страховкой, финансирование программ переобучения и переквалификации и т.д. Гарантией юридического равноправия является предоставление германского гражданства. Несмотря на то, что время от времени в средствах массовой информации появляются негативные сообщения о преселенцах из стран СНГ, за этим не стоит целенаправленная дискриминационная политика государственных органов. Передержки в таких статьях, как правило, осуждаются общественностью и влиятельными церковными организациями. Противоправные действия отдельных чиновников всегда могут быть обжалованы в судебном порядке. Немецкая юридическая система, функционирующая строго в рамках писанных законов, выгодно отличается этим от советского и постсоветского правового нигилизма.

Миграционное поведение переселенцев в значительной мере детерминировано историческим опытом проживания в Советском Союзе. Они стремятся жить рядом со своими родственниками, земляками или единоверцами, ориентируются на семейно-родственные контакты и поддержку. Это несомненно помогает в первый, наиболее сложный период пребывания в Германии. С другой стороны, концентрация в русскоязычной среде сдерживает полноценную интеграцию в новое общество. Государственные социальные гарантии в определенном смысле провоцируют такую ситуацию, позволяя вновь прибывшим оставаться в родной среде, не мотивируя их на переселение в те регионы страны, где имеется больше шансов получить работу. Сплоченность и взаимопомощь локальных групп российских немцев, относительно прочные семейно-бытовые узы на фоне почти полной «атомизации» германского общества нередко вызывают непонимание, а порой и неприязнь местного населения.

При всей важности юридического равноправия скорость реального «вживания» в германское общество зависит от многих факторов. При этом определяющее значение играет опыт социализации на прежней родине. До конца 80-х годов проблематика «поздних переселенцев» из СССР находилась на периферии интересов германского общества. Немаловажную роль при этом играло то обстоятельство, что большинство эмигрантов прибывало из группы т.н. *оппозиционеров*. Хорошее знание родного языка, моноэтничность, преобладание рабочих профессий, поддержка полностью интегрированных родственников, проживающих в данной стране с середины сороковых годов, религиозность (членами церковных общин состояло большинство взрослых и молодежи) в сочетании с сильной позитивной мотивацией и относительно небольшой численностью - от 5 до 20 тыс. переселенцев в год - позволило им успешно освоиться на исторической родине.

Гораздо сложнее сложилась ситуация у таких групп российских немцев как *традиционалисты* и *интегратисты*. В большинстве своем они приняли решение о переселении на родину вследствие разочарования ходом экономических и политических реформ, провозглашенных перестройкой. На их наивные надежды по поводу восстановления Немецкой автономной республики в Поволжье отрезвляюще

подействовало массированное сопротивление государственно-партийной бюрократии и местного населения. Эта категория переселенцев из стран СНГ столкнулась со значительными трудностями как объективного, так и субъективного порядка. Объединение Германии потребовало наряду со значительными финансовыми затратами значительных усилий по интеграции многомиллионного населения вновь воссоединенных земель, выросших и воспитанных при авторитарном строе. Крах социалистического лагеря и открытие границ привело к массовому наплыву в Германию мигрантов со всех частей света. Только из Казахстана по линии немецких переселенцев ежегодно прибывало от 114 тыс. (1992 г.) до 122 тыс. (1994 г.) человек. Недостаточное, порой на уровне архаического диалекта, владение немецким языком, отсутствие спроса на рынке труда таких массовых профессий как, к примеру, механизаторы, доярки или агрономы, неполное признание институтских дипломов, резкое падение для многих социально-профессионального статуса, депрессивное состояние иноэтничных супругов, ситуация разделенных семей, непривычный для недавних сельских жителей урбанистический стиль жизни и масса других факторов привели к значительным психологическим, экономическим и социальным проблемам на новой родине. В наибольшей сложности оказалась переселенческая молодежь, не успевшая еще всерьез столкнуться с кланово-коррупцированной казахстанской действительностью и остро переживающая разрыв привычного круга общения. Однако в целом позитивная этническая ориентация и активная установка на трудовую деятельность, подкрепляемая отсутствием какой-либо реальной национальной или экономической перспективой в странах СНГ, позволяет надеяться на постепенную адаптацию этой категории переселенцев к новой стране проживания в течение жизни одного поколения.

Со второй половины 90-х годов в потоке переселенцев, направляющихся в Германию, последовательно возрастает удельный вес *ассимилянтов*. Эта категория людей приняла решение на эмиграцию в решающей степени из-за недовольства своим экономическим и социальным положением, наступившим после распада Советского Союза. Не имея цели вживания в глубоко чуждую им немецкую культуру, не обладая даже минимальными знаниями языка, не преодолев социалистических установок и взглядов, они, как правило, сильно разочарованы

западногерманской действительностью и ностальгируют по прежней стране проживания и «золотым» застойным временам. Для них характерно реэмиграционное настроение, сдерживаемое только соображениями жилищного и материального порядка. Молодые люди из этой среды, не получив в своей семье реальных жизненных и национальных ориентиров, нередко ведут асоциальный образ жизни или становятся на криминальный путь. Видимо, потребуется смена нескольких поколений, чтобы потомки этой группы переселенцев стали полноценными членами немецкого общества.

Немцы Казахстана приносят с собой в Германию реальный опыт социализации в многонациональном, мультикультурном и поликонфессиональном обществе. Учет этого жизненного опыта может помочь политикам, государственным институтам, религиозным организациям, многочисленным объединениям по поддержке беженцев более трезво подойти к вопросам межкультурного диалога и иммиграционной политики. В целом немецкое общество с его стремлением к патернализму и инфантилизмом правящей элиты может только выиграть от притока людей, закаленных в деле выживания в неблагоприятных экономических и социально-политических условиях и ориентированных в своем большинстве на всеохватывающую интеграцию и позитивную идентификацию со своей исторической родиной.